

К.О. Россиянов

МЕТАФОРА ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ В ТРУДАХ И.И. МЕЧНИКОВА¹

Илья Ильич Мечников (1845–1916), создатель первой теории иммунитета и лауреат Нобелевской премии 1908 г., на протяжении многих лет пользовался широкой международной известностью. Несмотря на то, что в 1888 г. он переселился во Францию и до самой смерти работал в Институте Пастера в Париже, его научные открытия неизменно оставались в России предметом патриотической гордости. В то же время для образованных русских Мечников олицетворял саму возможность соединения достижений современной науки, с одной стороны, и ценностей культуры, просвещения и нравственности, с другой².

Неожиданное начало Первой мировой войны стало для Мечникова подлинным шоком: ведь он был уверен, что войны между цивилизованными народами отошли в прошлое и возможны они лишь в колониях. Примечательно, что начавшуюся войну он — подобно многим современникам — воспринял как победу «низшего», животного начала, постоянно присутствующего в человеке и только прикрытого тонким слоем культуры. Это представление об опасной нестабильности человеческой природы было прямо связано с особенностями биологических воззрений Мечникова. По его убеждению, человеческое тело

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung), грант № 01/SR/03.

² О Мечникове см.: *Tauber A.I., Chernyak L. Metchnikoff and the Origins of Immunology: From Metaphor to Theory.* Oxford, 1991. В этой же книге приводятся основные работы о Мечникове. См. также: *Todes D. Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought.* New York, 1989. P. 82–103; *Гайсинович А.Е.* Эпистолярное наследие И.И. Мечникова // И.И. Мечников. Письма (1863–1916), М., 1974. С. 3–37; *Он же.* Хроника жизни и творчества И.И. Мечникова // И.И. Мечников Письма к О.Н. Мечниковой, 1876–1899. М., 1978. С. 3–21; *Он же.* Труды и дни И.И. Мечникова // И.И. Мечников Письма к О.Н. Мечниковой. 1900–1914. М., 1980. С. 3–42. Полный список работ самого Мечникова см.: *Хижняков В.В., Вайндрах Г.М., Хижнякова Н.В.* Творчество Мечникова и литература о нем (Библиографический указатель), Москва, 1951. При всем обилии публикаций о Мечникове современной, основывающейся на архивных источниках, биографии ученого до сих пор нет.

соединяет в себе органы, ткани и клетки различного эволюционного возраста и потому является ареной постоянной и жестокой борьбы между развитым и примитивным, «высшим» и «низшим». Но если учесть, что к этой идее Мечников пришел задолго до Первой мировой войны, то как мог он вообще надеяться на победу «культуры» над войнами, «животным» началом и варварством?

Восприятие Первой мировой войны как «неожиданной», и в то же время, как в высшей степени «соответствующей» человеческой природе, было характерно не для одного Мечникова, и не в последнюю очередь связано оно было с тогдашним эволюционным дискурсом, согласно которому эволюция включает как «восходящую», — ведущую к прогрессу, в том числе нравственному, — так и «нисходящую» ветвь, а сам человек, сформировавшись в ходе ожесточенной борьбы за существование, несет на себе неизгладимую печать «звероподобных» предков. Тем самым важная для историка проблема становится понятной при анализе более длительного, предшествовавшего мировой войне исторического периода, когда и сформировались эти особенности европейской эволюционной мысли. Два обстоятельства делают здесь «случай Мечникова» особенно интересным. Во-первых, самые, быть может, крупные научные открытия были им сделаны в попытке разрешить тот внутренний кризис, который постиг его еще в начале 1870-х гг., когда он впервые задумался о несовместимости теории эволюции с последовательной нравственной философией. Во-вторых, анализ биологических работ Мечникова, а также его статей об антропологии, гигиене, вопросах воспитания приводит к неожиданному заключению о том, что даже, казалось бы, сугубо «научное» понимание человеческого тела может существенно различаться в разных национальных контекстах.

В настоящей статье рассматриваются три последовательных этапа научных и философских исканий Мечникова. В первом разделе ранние представления Мечникова о человеческом теле связываются с особенностями восприятия в России органицистских теорий общества, а также с идеями о целостном и гармоничном человеке, которые в это время приобрели широкое хождение у русских авторов, преимущественно народнического направления. Во второй части анализируются радикальные изменения во взглядах Мечникова, произошедшие в 1870-е гг., когда под влиянием эволюционных и расовых теорий он сделал вывод об опасной несогласованности («дисгармониях») в развитии различных частей организма. Наконец, в третьем разделе, открытие в 1883 г. фагоцитов — чрезвычайно примитивных, но при этом полезных для организ-

ма клеток — рассматривается как своего рода компромисс между идеей целостности и очевидным присутствием «атавистических» органов, тканей и клеток. При этом в последние десятилетия жизни Мечников все больше задумывался и о таящейся в этом «компромиссе» фундаментальной угрозе: возможной потере контроля над «примитивным», пусть даже и выполняющим «полезную» функцию.

Мечников и «физиологическая» теория равенства

Родившись в семье отставного гвардейского офицера, Мечников уже в раннем возрасте испытал сильный интерес к естествознанию. Закончив в 1864 г. Харьковский университет, он отправился в Европу, где на протяжении нескольких лет работал в различных лабораториях. Избрав основным предметом своих занятий эмбриологию и тесно сотрудничая с А.О. Ковалевским, Мечников выполнил ряд важных работ, заложивших основание эволюционной эмбриологии и приблизивших к современному пониманию происхождения многоклеточных животных.

Характеризуя интерес к науке, проснувшийся в 1860-х гг. в русском обществе, Мечников позднее писал, что от естественных наук ждали ответа на «главнейшие вопросы, мучающие человечество»³. У поколения «нигилистов» интерес к научному знанию сочетался с эгалитарными устремлениями. Но, что если данные естественных наук войдут при этом в противоречие с требованиями справедливости и равенства или будут использованы против них?

По мнению известного литературного критика и публициста Д.И. Писарева, появление в России буржуазного класса было неизбежно. Однако просвещение и распространение в обществе привычки мыслить научно, т.е. в соответствии с наличными, эмпирическими фактами, приведут к тому, что, даже преследуя собственные интересы, образованный капиталист будет неизбежно действовать в интересах всех, смягчая неравенство, и особенно по сравнению с теми его формами, которые достались «в наследство» от дореформенной эпохи⁴. Примерно

³ Мечников И.И. А.О. Ковалевский (Очерк из истории науки в России) (1902) // Мечников И.И. Страницы воспоминаний: Сб. автобиографических статей, М., 1946. С. 14–44. Цит.: С. 44.

⁴ Писарев Д.И. Нерешенный вопрос (статья третья и последняя) // Русское слово. 1864. № 11. Отд. 2 (литературное обозрение). С. 1–64.

с начала 1870-х гг. подобный ответ стал представляться сомнительным все большему числу образованных людей, чему способствовали не только непосредственные последствия реформ 1860-х гг., но и наблюдения над западным обществом⁵. Что если «неизбежное» появление индустриального капитализма в России приведет вовсе не к меньшему, а к большему неравенству?

Этот вопрос поставили, как известно, представители нового направления мысли, сменившего нигилизм — народники, которые в конце 1860-х — начале 1870-х гг. попытались сформулировать свою теорию некапиталистического развития. Согласно Н.К. Михайловскому, впервые высказавшему свои взгляды в форме критики органицистских теорий Спенсера («Что такое прогресс?», 1869), достижения науки могут быть опасны для личности, если будут использованы для дальнейшего порабощения ее обществом, следующим принципу «органического целого». Личность не может быть ни структурным компонентом, ни функциональным инструментом общества, которым грозит ее сделать современная система индустриальной организации и разделения труда. При этом идеальным состоянием общества является, по Михайловскому, состояние «простой» (а не «сложной») кооперации, при котором разделение труда не выражено, прообраз же этого «идеала» он, как и другие народники, видел в русской крестьянской общине. Иными словами, если использовать термины Э. Дюркгейма, которого Михайловский цитировал в поздних сочинениях, «механическая» солидарность предпочтительнее солидарности «органической».

Отсутствие разделения труда открывает путь к полному развитию личности именно потому, что уже в самом устройстве организма заложен изначально некий естественный баланс функций, который в современном обществе болезненно искажен. Тем самым, идеал «целостной» личности укореняется в «правильном» и «естественном» устройстве тела, которое, таким образом, становится предпосылкой общественной справедливости и равенства. А нравственным Михайловский объявляет такой прогресс, который ведет к «максимальному» развитию и разделению труда между органами тела и «минимальному» разделению труда в обществе⁶.

⁵ См.: *Walicki A. The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists.* Oxford, 1969. P. 26–27.

⁶ Некоторые авторы усматривают непосредственную связь между идеями Н.К. Михайловского и теоретика анархизма П.Н. Кропоткина. См.: *Vucinich A.*

Хотя с этой конкретной «формулой» прогресса не соглашались многие даже в народнической среде (П.Л. Лавров и другие), характерным для всех было представление о вреде чрезмерного разделения труда, а также идеализация общины. Данное представление, в свою очередь, было связано с необыкновенно острым ощущением безнравственности того разрыва между интеллигенцией и народом, между умственным и физическим трудом, — той, в буквальном смысле, пропасти, которая существовала в России (возможно, становясь все глубже) и которую народники стремились, во что бы то ни стало, преодолеть. Несколько позднее сходная идея «опрощения» была высказана А.Н. Толстым, хотя от народников его, разумеется, отличало очень многое, — в частности, огульное отрицание современной науки и образования.

Для нас здесь важно, что представления о «естественном» разделении труда между органами человеческого тела и, одновременно, о гармоничной, «неотчужденной» личности были восприняты в 1868–1869 гг. Мечниковым. Вывод этот опирается не только на его статьи, но и на сохранившиеся архивные материалы: записные книжки и дневниковые записи. В записи, сделанной в начале 1870-х гг., Мечников, ссылаясь на Михайловского, отмечает, что сам он еще в 1868 г. (т.е. до Михайловского), пришел к выводу о том, что человек «должен равномерно упражнять все свои органы, что это условие счастья и составляет цель жизни». Возможно, представление о «естественности» равномерного разделения труда между различными органами человеческого тела и о «вреде» такого же разделения труда в обществе Мечников каким-то образом почерпнул у русского биолога и революционера, рано умершего Н.Д. Ножина — близкого знакомого А.О. Ковалевского, а также Михайловского, на формирование взглядов которого Ножин оказал большое влияние. Как бы то ни было, в своей опубликованной в 1871 г. статье Мечников напишет о том, что задача воспитания заключается в исправлении «неравномерного развития ... частей [организма], “нормальное” отправление которых должно составлять нечто гармонически целое». Тогда же он вступит в прямую полемику с взглядами Г. Спенсера, отказываясь видеть в дифференциации общества и «чрезмерном разделении труда» — «прогресс»: «Возьмем пример разделения труда на фабриках. Всем известно, что доведенное до значительной степени разделение труда превращает отдельного человека в орган отдельной машины... прогрессисты восстают против чрезмерного

разделения труда и превращения человека в составную часть особи высшего порядка, и, по моему мнению, они совершенно правы»⁷.

Основываясь на «естественном» устройстве тела, Мечников надеется на создание рациональной этики. Сохранилось его свидетельство о том, что в конце 1860-х гг. он, будучи доцентом Петербургского университета, пытался устроить свою жизнь на принципе возможно меньшего разделения труда, не нанимая прислуги и обслуживая себя полностью сам, хотя и оставался при этом далеким как от политического радикализма, так и от какой-либо политической деятельности⁸.

Постепенно накапливались и противоречившие этому воззрению научные и «жизненные» данные, но прошло еще несколько лет, прежде чем Мечников ясно понял, что представление о «естественном» разделении труда между органами — эта биологическая ставка целостной, неотчужденной личности — оказывается бита ничем иным, как «объективными» фактами его же науки.

Открытие примитивности

В 1873 или 1874 г. Мечников заносит в записную книжку признание: его прежние представления о естественном равновесии и необходимости равномерного развития всех органов человеческого тела оказались несостоятельными. При этом, пишет ученый, он постулировал «гармоничное устройство организма, которое в действительности не существует»⁹.

Слому старого мировоззрения предшествовал глубокий личный кризис. Смерть от туберкулеза первой жены Мечникова — Людмилы Васильевны Федорович в апреле 1873 г. привела его к попытке самоубийства, вызвала чувство бессмысленности жизни, а также повлекла за собой кратковременное пристрастие к морфию. Заболевание глаз

⁷ Мечников И.И. О цели человеческой жизни. О равновесии отправлениях различных органов. Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 584 (И.И. Мечников). Оп. 1. Д. 271; *он же*. Воспитание с антропологической точки зрения. (1871) // Мечников И.И. Сорок лет искания рационального мировоззрения. 3-е изд. М., 1923. С. 37–58. Цит.: С. 58; Мечников И.И. Задачи современной биологии (1871) // Мечников И.И. Собр. соч. Т. 4. М., 1960. С. 109–132. Цит.: С. 121; о Ножине см.: Рудницкая Е.А. Шестидесятник Николай Ножин, М., 1975.

⁸ См.: Гайсинович А.Е. Примечания // Мечников И.И. Страницы воспоминаний. С. 246–247.

⁹ АРАН. Ф. 584. Оп. 1. Д. 271.

заставило оставить на время занятия эмбриологией и задаться планом поездки с антропологическими целями в калмыцкую степь.

В свою очередь, для антропологических исследований Мечникова важным оказался воспринятый им «биогенетический закон» Э. Геккеля, согласно которому индивидуальное развитие организма (онтогенез) является непосредственным, хотя и видоизмененным, повторением тех стадий, которые данная группа организмов прошла в ходе развития эволюционного (филогенеза). Столкнувшись с тем, что один из частных, но чрезвычайно характерных признаков монгольской расы — строение века — проявляется у калмыков в детском возрасте сильнее, чем в пожилом, а также может иногда наблюдаться и в детском возрасте у европейцев, Мечников пришел к выводу не только о древности этого признака, но и о том, что наличие его у монголоидов является примером «остановки в развитии» (*das Stehenbleiben in der Entwicklung*).¹⁰ Подкрепив это данными антропометрических измерений, сделанных во время состоявшейся в 1874 г. второй поездки в калмыцкую степь, Мечников сделал заключение, что и сама монголоидная раса демонстрирует «остановку в развитии» и соответствует «детскому» возрасту расы «кавказской» (европейской).

Вслед за этими антропологическими наблюдениями Мечников приходит к выводу о том, что в человеческом теле присутствуют и другие остановившиеся в развитии органы, при этом не как исключение, а, скорее, как правило. «...Распространено убеждение, — писал Мечников в 1874 г. в черновике неопубликованной работы, — что животный организм вообще, а человеческий — в особенности, представляют сложную и удивительную машину, отдельные части которой находятся во взаимной связи и, работая вместе, производят загадочные с первого взгляда явления жизни». Однако, добавляет он, «...животный организм должен быть сравним с такой машиной, в которой каждая отдельная часть необходима для исполнения данной работы, но с такой, лишние винты которой не устранены, а сохранены в более или менее полном виде, рядом с частями, играющими существенную роль в жизни»¹¹.

¹⁰ *Metschnikoff E.* Über die Beschaffenheit der Augenlider bei den Mongolen und Kaukasiern // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1874. № 6. S. 153–160; об экспедициях в Калмыцкую степь см. также: *Белкин Р.И., Гремяцкий М.А.* Комментарии к статьям по антропологии и этнографии // *Мечников И.И.* Собр. соч. Т. 16. М., 1964. С. 365–386.

¹¹ *Мечников И.И.* Антропологические этюды о нравственности. АРАН. Ф. 584. О. 1. Д. 266. Л. 10.

Отсюда и явления «разлада между отправлениями отдельных частей», или неустраимых «дисгармоний». «Гармония» же отныне невозможна, ибо «свободное» развитие примитивных органов таит в себе опасность регресса. Ведь, как напишет Мечников в статье 1877 г., «...в человеческом теле заключено целое низшее животное существо». А позднее, полемизируя со взглядами Л.Н. Толстого о необходимости «естественной» жизни и соединения физического и умственного труда (по сути сходными с его собственными воззрениями до 1873 г.), он выразился еще определеннее: «Предоставьте ему [животному существу внутри человеческого тела. — К. Р.]...только свободно развиваться на том основании, что оно составляет “естественное свойство” нашего организма, и оно не замедлит вырваться». И если следовать теории «естественного» развития органов, то должен ли, например, человек упражнять имеющуюся у него способность к хватательным движениям стопы, унаследованную от предков-обезьян?¹²

В то же время, «остановки», т.е. прекращение развития отдельных органов, полностью аналогичны «остановкам» в развитии отдельных рас, а сами «дисгармонии» описываются при помощи расовых метафор. Это заметно уже в появившейся в 1874 г. статье «Возраст вступления в брак», где впервые, если брать опубликованные труды ученого, проводится мысль о неустраимых дисгармониях человеческой природы (любопытно, что все расовые сравнения были изъяты — без обозначения купюр в тексте — при подготовке «полного», академического собрания сочинений Мечникова). Вообще-то, метафора, связывавшая заключенное в цивилизованном человеке атавистическое существо с «дикарем», была чрезвычайно характерной для европейского антропологического и культурного дискурса. О «высших» и «низших» расах идет речь и в двух статьях, опубликованных Мечниковым в либеральном журнале «Вестник Европы»¹³.

¹² Мечников И.И. Возраст вступления в брак (1874). Цит. по: Мечников И.И. Сорок лет искания рационального мировоззрения... С. 59–101; Он же. Очерк воззрений на человеческую природу (1877) С. 102–120; Он же. Закон жизни. По поводу некоторых произведений гр. Л. Толстого (1891). Там же. С. 208–209.

¹³ Мечников И.И. Антропология и дарвинизм // Вест. Европы. 1875. Кн. 1. С. 159–195; Борьба за существование в обширном смысле // Там же. 1878, Кн. 7. С. 9–47; Кн. 8. С. 437–483; в последней статье едва ли не большая часть текста при публикации в академическом собрании сочинений была изъята.

Любопытно, что высказанные в них представления о расах и кипящей в обществе борьбе за существование не получили отклика в русской печати. И можно ли было вообще связать эти идеи с насущными вопросами русской жизни? В отличие от европейских колониальных держав, проблема отсталости не имела в России никакого отношения к проблеме расы и «биологической» примитивности. Провести границу между расами: европейской и монголоидной было зачастую очень трудно. Вспоминая позднее о путешествиях по калмыцким степям, Мечников в шутку говорил, что каждый встреченный калмык казался ему «вылитым Иваном Михайловичем», т.е. профессором И.М. Сеченовым, его близким другом и коллегой по Одесскому университету, внешность которого отличалась выраженными монголоидными чертами. Далее, никто в России, кроме явно маргинальных авторов, не разделял представления о том, что борьба за существование ведет к нравственному совершенствованию человечества¹⁴. Не разделял этого мнения и Мечников, который, хотя и принимал совершающуюся в человеческом обществе ожесточенную борьбу за существование как неоспоримую данность, но в то же время был убежден в том, что нравственности на этом основании построить нельзя.

После 1870-х гг. Мечников не писал больше специальных статей, которые были бы посвящены «низшим» расам, либо проблеме борьбы за существование в обществе. Реальная угроза нравственности и человеческому счастью связана в дальнейшем не столько с представителями низшей расы, сколько с противоречиями низших и высших начал во внутреннем устройстве человека, заставляющими его страдать от неустранимого «разлада». (Хотя при этом представители «высших» рас чувствуют эти противоречия намного острее). В результате идеи непримиримого расового конфликта суждено было сыграть важную эвристическую роль при анализе тела, а не общества.

Примечательно, что неустранимость дисгармоний объясняется тем, что они являются свойством «нормального» тела и вызваны «естественным» ходом эволюции, создающей новое и «совершенное» не «на месте» примитивного, а чаще всего «рядом» с ним (идея «неотвинченных» винтов). И в этом отношении идеи Мечникова опять-таки отличаются от получивших хождение в Европе (сначала в медицине, а затем, примерно с начала 1880-х гг., в эволюционной мысли) представлений о «вы-

¹⁴ См.: *Vucinich A. Social Thought in Tsarist Russia. P. 236.*

рождении», или «дегенерации». Ведь «вырождение» — это своего рода «болезнь», которая проявляется наиболее ярко в отдельных людях — «дегенератах», и, следовательно, от угрожающей ему необратимой «порчи» человечество может «спасти», изолировав «дегенератов» и установив соответствующие барьеры в самом обществе.¹⁵ Отмечаемые же Мечниковым эволюционные дисгармонии: «атавистические» черты зубной формулы, «ненужные» отделы толстого кишечника, несовпадение возраста половой, физической и социальной зрелости, наконец, даже сами примитивные инстинкты и особенности поведения, — присущи всем представителям общества и потому, вообще говоря, неустранимы социальными мерами.

В то же время эволюционный дискурс морального контроля не может привести к подлинной нравственности, ибо, хотя подавление примитивных инстинктов и является долгом «цивилизованного» человека, его все же недостаточно для устранения дисгармоний и «возврата» к «гармоничному» состоянию. Подобный «возврат» мыслим только как обращение эволюции вспять. Усиливающийся пессимизм приводит Мечникова в 1881 г. к новой попытке самоубийства. Но вслед за этим в жизни его намечается поворот к новому, более оптимистическому мировоззрению, в чем важную роль сыграло изменение его научных воззрений. Однако перед тем как Мечников нашел разрешение мучивших его противоречий, проблема «высшего» и «низшего» была им понята как коренящаяся еще более глубоко во внутренней организации тела — как проблема отношений не только органов, но и отдельных клеток.

Укрощение «зверя»

Сторонники т.н. теорий «клеточного государства», которые во множестве появлялись на страницах биологических трудов после того, как Р. Вирхов выступил со своей книгой о «Целлюлярной патологии», склонны были в устройстве многоклеточного организма, видеть осуществленный идеал общественной, или государственной гармонии, возникающей из разумного подчинения «клеток-граждан» интересам целого. Так, Э. Геккель проводил прямую параллель между колониями общественных насекомых (муравьев или пчел), государством и много-

¹⁵ См.: *Pick D. Faces of Degeneration: A European Disorder: 1848–1918. Cambridge, 1989.*

клеточным организмом. Во всех этих случаях торжествует, по его словам, «великий закон разделения труда»¹⁶.

Но Мечников не мог увидеть в подобном «разумном», «научном» неравенстве гармонии. Ведь неравенство структурных частей организма связано не только с их меньшим или большим значением для целого, но и с разным эволюционным возрастом этих частей, что совершенно неизбежно приводит к «дисгармониям». И впервые Мечников применяет этот принцип не только к органам, но и к клеткам в ходе исследований конца 1870-х – начала 1880-х гг., посвященных происхождению первых многоклеточных животных и особенностям примитивного пищеварения¹⁷.

По сути, асинхронии эволюционного развития порождаются первым же «разделением труда» между «равными» до этого клетками примитивной колонии при эволюционном превращении колонии в первобытный многоклеточный организм, состоящий из двух различных клеточных слоев: внешнего и внутреннего, которые выполняют, в свою очередь, две различные функции: двигательную и пищеварительную. Ведь в ходе дальнейшего эволюционного развития амёбовидные клетки внутреннего слоя сохраняются, как полагал Мечников, практически неизменными в организме многоклеточных животных; так, некоторые примитивные черви, которые способны уже к «настоящему», полостному пищеварению, обладают способностью и к пищеварению внутриклеточному; очень похожие клетки присутствуют и в организме высших животных. В каком-то смысле это и есть самые древние и примитивные клетки в составе многоклеточных организмов, «остановившиеся» в развитии и унаследовавшие высокую степень автономии, в частности, способность к свободному передвижению внутри организма. Следует ли думать, что клетки эти сохранялись с древнейших времен только лишь в виде «чистого» рудимента?

В 1883 г. Мечников предположил, что и у высших животных амёбовидные клетки выполняют функцию переваривания, но переваривания защитного, которое позволяет им захватывать и уничтожать проника-

¹⁶ *Virchow R.* Die Cellularpathologie in ihrer Begründung auf physiologische und pathologische Gewebelehre. Berlin, 1858; *Haeckel E.* Über Arbeitstheilung in Natur- und Menschenleben. Berlin, 1869.

¹⁷ Результаты этих исследований подытожены в фундаментальном труде Мечникова «Эмбриологические исследования над медузами» (1886) // *Мечников И.И.* Избр. биологические произведения. М., 1950. С. 271–472.

ющих в организм микробов и других паразитов. Драматическая история открытия этих, названных им вскоре «фагоцитами» клеток, — а вместе с тем, и новой, иммунной функции многоклеточного организма — описана самим Мечниковым и давно уже стала хрестоматийной. Но нам хотелось бы, обратить при этом внимание на то, что, выступая с первым же сообщением о своем открытии, он сравнил эти клетки с туземными армиями, которые европейские державы набирают в колониях для борьбы с «дикарями», причем эффективность этих армий определяется тем, что они находятся практически на той же ступени развития, что и их враги¹⁸.

Метафора «частично» цивилизованного дикаря, обученного лишь азам европейской техники, важна, в частности, потому что указывает на необходимость сохранения «дикости», будь то туземные армии или иммунные клетки. Ведь именно «примитивность» позволяла объяснить способность фагоцитов самостоятельно перемещаться, находить, а затем уничтожать болезнетворные агенты и ненужные клетки самого организма, поглощая их как законную «добычу». И «примитивности» суждено было в дальнейшем сыграть роль ключевого довода в спорах Мечникова с оппонентами, обвинявшими его в том, что он приписывает отдельным клеткам способность к «разумным» и «целесообразным» действиям. Дело здесь, как указывал Мечников, не в «разумности» и «целесообразности», а в близости фагоцитов к одноклеточным организмам, позволяющей им действовать, в значительной степени, самостоятельно.

Открытие фагоцитоза изменило взгляд Мечникова на дисгармонии человеческой природы, знаменуя переход от беспросветного пессимизма к осторожному оптимизму. Ведь мучившая его дилемма — невозможность целостности при том, что отдельные части тела обладают разным эволюционным возрастом — обрела, наконец, решение: фагоциты сохраняют свою примитивность не как неустранимое «наследие» прошлого, а как важнейшее свойство, полезное организму в целом, т.е. своего рода приспособление. Значит, «низшее» могут связывать с «высшим» не только отношения фатального антагонизма, но и постепенно устанавливающегося сотрудничества.

¹⁸ Мечников И.И. Мое пребывание в Мессине (Из воспоминаний прошлого) // Мечников И.И. Страницы воспоминаний... (см. примеч. 3). С. 70–76; Мечников И.И. О целебных силах организма (1883) // Мечников И.И. Сорок лет искания рационального мировоззрения... С. 191–199. Цит.: С. 198.

Вскоре после своего открытия Мечников окончательно оставляет эмбриологию и зоологию и становится бактериологом и иммунологом, развивая и отстаивая свои взгляды в полемике с патологами и медиками, а затем и с бактериологами-«гуморалистами», считавшими, что иммунитет обеспечивается не клетками, а циркулирующими в крови химическими веществами — т.н. «антителами», по определению П. Эрлиха. Ко времени Первой мировой войны полемика, в основном, завершилась признанием важной роли как фагоцитов, так и антител¹⁹.

В каком-то смысле, благодаря теории иммунитета Мечников вновь вернулся к своей старой схеме, согласно которой целостность, всегда сохранявшая для него одновременно биологическое (целостность тела) и моральное (целостность «гармоничной», неотчужденной личности) значение, понималась как своего рода равновесие, «баланс». Но, в отличие от ранних представлений конца 1860-х гг., «баланс» этот был несовершенен, будучи не исходно «данным», «естественным» состоянием организма, а постепенно складывающимся в ходе эволюционной, следовательно, неполной и несовершенной «притирки» частей. В начале 1890-х гг. Мечников впервые отмечал, что по мере старения организма фагоциты выходят «из-под контроля» и набрасываются на «благородные», по определению Мечникова, «клеточные элементы»: клетки мозга, мускулов и внутренних органов. Надеясь замедлить старение, Мечников, в частности, пытался создать специальные сыворотки против фагоцитов, что позволило бы ослабить их активность²⁰.

Тем самым, прогресс медицины как будто требует безусловного подавления «низшего». Однако, в конечном итоге, идеал «гармонии» оказывался связан, все-таки, не с победой «высшего», а опять-таки с организмом как целым, пусть даже понятым совершенно парадоксальным образом. В поздних работах у Мечникова появилось спекулятивное, но чрезвычайно для него важное представление о «естественном» пределе жизни, достижение которого будет сопровождаться прямым желанием смерти. Причем это будет не просто чувство исполненности жизненных задач, но и переживание внутренней гармонии, чувство «насыщенности» жизнью, которое, в свою очередь, будет основываться на естественно возникающей физиологической потребности, подобной желанию сна. (Из всех живых организмов подобного «естественного» предела

¹⁹ *Silverstein A. M. A History of Immunology. San Diego, 1989. P. 38–58.*

²⁰ Подробнее см.: *Гайсинович А.Е. Труды и дни И.И. Мечникова (см. примеч. 2). С. 32.*

жизни достигают, по мнению Мечникова, только поденки.) И на место старой, впоследствии им отвергнутой и осмеянной (в критике взглядов Толстого) идеи физиологической гармонии органов как некоей природной, статичной данности приходит представление о гармоническом, «полном» «жизненном цикле» человека, как основной задаче научной гигиены и человечества в целом.

Несмотря на признание глубочайших, разрешаемых только смертью противоречий человеческой природы, мировая война оказалась для Мечникова неожиданной. Возможно, потому что неизбежно означала крушение жизненных надежд: и как своего рода «апофеоз» преждевременных смертей, и потому, что, мучительно умирая от болезни сердца, Мечников в то же время сознавал, что и его глобальная гигиеническая утопия в условиях войны, неизбежного послевоенного разорения и упадка культуры едва ли осуществима. Для историка же поздние работы Мечникова выглядят как своего рода «послесловие» к попыткам целого поколения образованных русских людей найти обоснование идеалам равенства и нравственной правды в данных естественных наук. Что осталось от этих стремлений у одного из самых даровитых представителей этого поколения? Не что иное, как «теория» смерти, ведь идеал «полного», неотчужденного существования достигается и переживается только в самый момент ухода в небытие — в момент «правильного» завершения жизненного цикла.

Заключительные замечания

Личность, несущая в себе атавистические, животные черты и потому обреченная на постоянный конфликт с самой собою, становится ближе к концу XIX в. достаточно общей темой как европейского научного, так и культурного дискурса²¹. Но в случае Мечникова конфликт «высшего» и «низшего» был не только предметом культурной и моральной рефлексии, а стал и отправной точкой для научных исследований, приведя в итоге к одному из крупнейших открытий биологии XIX в. Уникальным следует признать и то, что функция защиты целостности была «доверена» наиболее примитивным элементам организма, радикально переосмысленному и «прирученному» атавистическому началу.

²¹ См., например: *Paradis J.G. Evolution and Ethics: T.H.Huxley's «Evolution and Ethics» with New Essays on its Victorian and Sociobiological Context.* Princeton, 1989.

По крайней мере, отчасти «необычность» воззрений Мечникова объясняется особенностями восприятия европейских биологических теорий в России. Как известно, расовая теория, а также идеи «вырождения» и социал-дарвинизма были здесь предметом почти исключительно академического дискурса²². С одной стороны, Мечников, по-видимому, выделяется на общем фоне, т.к. действительно глубоко воспринял эти идеи: «открытие» примитивных людей, а затем и примитивных органов подорвало его веру в то, что человеку суждено счастливо и гармонично устроиться на Земле. Эволюционные и социал-дарвинистские идеи он, еще находясь в России, пытался применить и к анализу общества. С другой стороны, эти попытки не встретили отклика, возможно потому, что в русской культуре с идеями этими не связывалось, какого бы то ни было, очевидного и общепонятного морального и практического смысла. А сам Мечников свел в дальнейшем причины порождаемых эволюцией противоречий и моральных проблем к дисгармониям внутреннего устройства тела — к проблеме асинхронии в эволюционном развитии различных частей организма, а вовсе не людей и рас. Примечательно, что и русские, и западные биографы Мечникова трактовали его идею биологических дисгармоний как нечто *suī generis*, начисто игнорируя ее несомненную связь с дискурсом расы на Западе.

Научные метафоры, могут, по словам Д. Тодеса, терять присущую им «силу очевидного (commonsensical power)», попадая в контекст иной национальной культуры²³. И если одни из них просто перестают убеждать аудиторию, то другие активно переосмысливаются. Так, например, в России второй половины XIX в. многие видели в дифференцированном, правильно устроенном и функционирующем организме вовсе не прообраз общества, а скорее, физиологический «аналог» неотчужденной, «полной» человеческой личности. И, как мы видели, последнее сравнение, которое в молодости было воспринято Мечниковым, стало для него затем не только источником глубочайшего разочарования (когда выяснилось, что физиологической гармонии не

²² См.: *Sunderland W.* Russians into Yakuts? 'Going Native' and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s–1914 // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. P. 806–817; *Adams Mark B.* Eugenics in Russia, 1900–1940 // *The Well-born Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia* / Ed. M. Adams. Oxford, 1989. P. 153–216.

²³ *Todes D.P.* Darwin without Malthus... P. 168. (примеч. 2).

существует), но и определило его пристальное внимание к внутренним дисгармониям тела, а также возможности их преодоления. Возможно, дальнейшие исследования в области истории наук о жизни в России позволят лучше судить о роли ученых в создании тех или иных «национальных» образов тела. Важно подчеркнуть, что речь может идти при этом не только о разных способах восприятия, понимания и инструментализации универсального научного знания, но и об «обратном» процессе: влиянии локальных, «национальных» метафор на развитие «общего» знания.